

Поколения Франкфуртской школы: генезис критической теории и ее современность*

Р. В. Пеннер¹, С. В. Тихонова^{1,2}

¹ Южно-Уральский государственный университет,
Российская Федерация, 454080, Челябинск, пр. Ленина, 76

² Саратовский национальный исследовательский
государственный университет им. Н. Г. Чернышевского,
Российская Федерация, 410012, Саратов, ул. Астраханская, 83

Для цитирования: Пеннер Р. В., Тихонова С. В. Поколения Франкфуртской школы: генезис критической теории и ее современность // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2024. Т. 40. Вып. 1. С. 81–96. <https://doi.org/10.21638/spbu17.2024.107>

В статье представлена ретроспектива становления Франкфуртской школы. Подобный взгляд на школу еще не был сформирован в русскоязычной литературе: в ней внимание, как правило, сосредоточено на отдельных фигурах школы, вне репрезентации их места в логике поколений. В 1950-е годы представители первого поколения Франкфуртской школы (прежде всего М. Хоркхаймер и Т. Адорно) в своей критике фашистского и тоталитарного режимов выстроили фундамент критической теории, который впоследствии использовали в социальном анализе капиталистического общества. Ключевую установку школы М. Хоркхаймер обозначил как эмансипацию трудящихся от рамок экономического режима; высвобождение сознания рабочего класса из границ, установленных капитализмом. В 1970-е годы Ю. Хабермас в рамках теории коммуникативного акта продолжил традицию социальной критики в двух смысловых направлениях: в левистском — акцентуации на социальных несправедливостях, и кантовском — в поиске оснований для социальной критики как таковой. В свою очередь, А. Хоннет в 1990-е годы сосредоточил свое внимание на так называемой негативной intersubjectivity, что выражается в борьбе социальных групп за признание. В этой борьбе он нашел подлинно социальное измерение жизни, которое, в свою очередь, выстраивается на принципах нормативности. В 2018 г. А. Хоннет передал пост директора Института социальных исследований С. Лессеничу. Сегодня сложно предугадать, каким будет курс С. Лессенича. Однако очевидным остается то, что через поколения Франкфуртская школа сохранила методологическую основу критического анализа капиталистического общества, начав критику в условиях тоталитаризма и продолжая ее в цифровую эпоху.

Ключевые слова: Франкфуртская школа, поколения Франкфуртской школы, критическая теория, М. Хоркхаймер, Т. Адорно, Ю. Хабермас, А. Хоннет, С. Лессенич, цифровая эпоха.

* Работа выполнена при поддержке Российского научного фонда. Конкурс «Проведение фундаментальных научных исследований и поисковых научных исследований отдельными научными группами» (региональный конкурс) 22-18-20011 «Цифровая грамотность: междисциплинарное исследование (региональный аспект)».

Введение

Франкфуртская школа стала основой одного из мощнейших течений в социальной теории XX в. и продолжает выполнять эту роль в нынешнем столетии. Ее идейное влияние неразрывно связано не только с глубиной философской рефлексии, но и с своевременностью и известной «выстраданностью». Эмиграция первого поколения, вызванная трагичными обстоятельствами истории Германии в 1930-е годы, привела к тому, что социальное мышление франкфуртцев потеряло «кабинетный» характер и глубоко переплелось с политической (как внутренней, так и международной) повесткой как ответ на ее суровые вызовы. Транснациональность почти парадоксально усилила социально-организационные основы школы, сочетающие специфическое финансирование, внимание к развитию собственных печатных органов, публичной активности и акцентированию академической преемственности. Еще в 1960-е годы неоднократно заявлялось о распаде школы, а лингвистический поворот в исследованиях Ю. Хабермаса и переход его коммуникативного анализа на консенсуальные начала стали основой для деклараций снижения критического пафоса франкфуртской мысли. Однако работы А. Хоннета, направленные на возрождение критических основ теории, позволяют говорить о сохранении характера школы и актуализируют исследования ее теоретического единства.

В 1991 г. в свет вышла работа «Поколения» американских авторов У. Штрауса и Н. Хау, до сих пор вызывающая дискуссии в исследовательской среде [1]. Ее суть сводится к тому, что сквозь историческую призму возможно понимание жизненного уклада больших групп людей как одного поколения при условии, что эти группы людей существуют в одну историческую эпоху, а главное — в едином социокультурном контексте. Структура дискуссий, в свою очередь, развивается вокруг тезиса о том, что объединение людей по принципу единства исторического времени и внешних социальных условий является произвольным, малодоказательным¹. Вместе с тем представители теоретической социологии все чаще обращаются к поколенческому подходу для отображения идеи о том, что «история социологии есть история социологов, интегрированных в поколения» [3, р. 80]. В настоящей статье мы сосредоточим свое внимание на историческом становлении Франкфуртской школы сквозь призму поколенческого подхода.

Для начала стоит упомянуть, что в отечественной историософской традиции Франкфуртская школа, критическая теория или отдельные ее представители объясняются прежде всего в логике неомарксизма. Использование подобной оптики детерминировано, во-первых, согласно позиции И. Д. Осипова и А. Н. Муравьева, широтой применения идей диалектического материализма в понимании социальных реалий [4]; во-вторых, востребованностью марксистских идей в направлении преобразования современного, «позднекапиталистического», общества в соответствии с идеалом «разумного и справедливого общества» [5, с. 29]. Однако именно в контексте неомарксистской логики мы наблюдаем отход представителей второго поколения Франкфуртской школы от идей ее основоположников, М. Хоркхаймера и Т. Адорно, что, по мнению Ю. Н. Давыдова, привело «по существу к распаду

¹ См., например, результаты работы круглого стола по проблеме применения поколенческого подхода в современных гуманитарных науках [2].

школы в начале 70-х годов» [6, с. 174]. Поэтому в статье мы будем опираться преимущественно на институциональный подход в репрезентации методологического и концептуального становления школы, который поможет нам отобразить формальное и содержательное наполнение поколений Франкфуртской школы сквозь призму идей их руководителей, рассмотрим эволюцию взглядов франкфуртцев, исходя из презумпции единства их доктринальных оснований.

Первое поколение

В статье мы опираемся на периодизацию, которая в 2011 г. была предложена специалистом по критической теории, проф. Дж. Андерсоном (J. Anderson) (Utrecht University) [7]. Согласно Дж. Андерсону, проще всего определить мыслителей первого поколения: «...почти все они работали с конкретной аффилиацией, Институт социальных исследований (Institut für Sozialforschung) во Франкфурте-на-Майне. После Карла Грюнберга (1923–28) Институт приобрел свой узнаваемый характер под руководством Макса Хоркхаймера <...> в число исследователей входили Теодор Адорно, Эрих Фромм, Отто Кирххаймер, Лео Левенталь, Франц Нейман и Фридрих Поллок» [7, р. 31]. После прихода Гитлера к власти Институт социальных исследований отправляется в изгнание в Женеву, откуда потом перемещается в Нью-Йорк. Тогда М. Хоркхаймер основал «Журнал социальных исследований», первый номер которого вышел в Германии в 1932 г. В 1934–1939 гг. он выходил на немецком языке в Париже, в 1940–1941 гг. — на английском, в США [8, с. 20]. В США М. Хоркхаймер обосновался с 1934 г. (он попал под действие нацистского указа, запрещавшего евреям и политически нежелательным лицам занимать должности в университетах); в 1938 г. к нему присоединился Т. Адорно, который до этого жил в Англии. В это время школу называли «круг Хоркхаймера» или «Институт». Летописцами этого периода стали М. Джей (M. Jay) и Р. Виггерхаус (R. Wiggershaus) [9; 10]. Первоначально Институт финансировал Г. Вейль (H. Weil), получивший за свои пожертвования титул почетного доктора; целью создания Института было продвижение марксистской академической программы, что не помешало Университету Франкфурта-на-Майне, городу и министерству принять пожертвования [11]. В дальнейшем именно пожертвования составляли финансовую основу деятельности Института (вплоть до постройки нового здания и библиотеки) в первый германский и эмиграционный периоды его существования. М. Хоркхаймер сначала помогал Ф. Поллоку, временно исполнявшему обязанности директора Института, в решении фандрайзинговых вопросов. Именно благодаря своим деловым качествам М. Хоркхаймер смог возглавить Институт, однако инициаторам его назначения потребовалось проявить немалую изобретательность (ему на тот момент не хватало философской подготовки). Наследники Ф. Вейля (F. Weil) учредили фонд *Rotterdamsche Beleggingen Beheermaatschappij* (ROBEMA) с целью сокрытия еврейских денег от нацистов. Деньги Института были тайно переведены в Женеву. Одна из основных наследниц, А. Вейль (A. Weil), которая должна была финансово содержать институт в течение 25 лет, вместо того в результате семейного конфликта выплатила Институту аванс, несоизмеримый с изначально оговоренной суммой. Ф. Поллок и М. Хоркхаймер перевели деньги в США, создав там профильные фонды. Переводы денег, на которые могли существовать сотрудники института, осложнились в период Второй миро-

вой войны, и круг М. Хоркхаймера изрядно сократился (что было связано не только с финансовой стороной дела, но и с гибелью сотрудников, оставшихся в Европе).

После войны, в 1949 г., только трое бывших сотрудников Института (М. Хоркхаймер, Ф. Поллок и Т. Адорно) вернулись домой и были восстановлены в должностях. Как показывает К. Флек (C. Fleck), основной причиной возвращения стало истощение средств, при этом «у немцев сложилось впечатление, что репатрианты идут на большие жертвы, если добровольно возвращаются в страну убийц. Для товарищей-изгнанников, которые не пошли по тому же пути, доводом было то, что они хотели участвовать в перевоспитании немцев» [11, p. 6]. Поэтому нет ничего удивительного в том, что немецкие критики воспринимали вернувшихся как «интеллектуальных основателей Федеративной Республики Германии» [12, p. 21]. Здание Института было разрушено бомбардировками; в 1951 г. его восстановление было оплачено американским правительством.

Несмотря на то что имя М. Хоркхаймера не вписано в тридцатку наиболее влиятельных интеллектуалов прошлого столетия, его философская интуиция, лидерские качества и сама руководящая позиция, по мнению И. А. Михайлова, позволили Франкфуртской школе под его руководством сформировать методологию для понимания трансформаций, происходящих в культуре XX в. [13; 14]. Во многом благодаря М. Хоркхаймеру Франкфуртская школа обратилась к проблеме связи между познавательной деятельностью и материальным (предметным) контекстом ее реализации. В русле школы оформился тезис, согласно которому познавательная деятельность и весь социальный мир обусловлены предметным миром, который, в свою очередь, является продуктом деятельности человека. Эта «твисторность» социального мира разительно отличает его от материального (например, природы); второй фактичен, в то время как первый ситуативен и конструктивен. Конструктивность, идеологическая пластичность социального мира отображаются в истории, которая пишется и переписывается. В этом представители Франкфуртской школы видят необходимость критического переосмысления социальной реальности, методологической базой для которого послужило «рефлексивное социальное исследование, что складывалось из субъективных переживаний участников социального мира, особенно в сфере труда» [7, p. 32].

Ключевую установку школы уже в первые годы ее существования М. Хоркхаймер обозначил как эмансипацию трудящихся от рамок экономического режима; прежде всего высвобождение сознания рабочего класса из границ, предустановленных капитализмом. К примеру, в работе “Traditional and Critical Theory” («Традиционная и критическая теория») М. Хоркхаймер предложил вариант освобождения посредством построения рефлексивной социальной науки, движение самих трудящихся к пониманию социальной реальности посредством рефлексии [15]. Отсюда интерес представителей первого поколения школы к работам по эстетике В. Бенямина и политической теории В. Ньюманна (V. Neumann).

Ориентировочно в 1950-е годы ключевые проблемные области Франкфуртской школы были весьма точно очерчены: тоталитаризм в политике и экономике, массовая культура [16]. Теоретической и методологической базой юной критической теории выступила фрейдистско-марксистская концептуальная рамка. Ведущая роль в этот период переходит к Г. Маркузе и Э. Фромму, их работы были ориентированы на реалии поствоенного западного общества и вызывали большой

интерес в СССР. В этой рамке и с этой рамкой Франкфуртская школа становится локомотивом социально-теоретического подхода в послевоенной Европе, который был реализован в проектах негативной диалектики и политической эстетики, разоблачающих идеологические структуры. Тогда происходило выявление так называемых социальных патологий методами качественных социальных исследований (см., напр., [17]).

Второе поколение

С 1964 по 1974 г. в Югославии начинает издаваться на сербохорватском и нескольких иностранных языках марксистский журнал «Праксис», ориентированный не только на штудии раннего К. Маркса, но и на идеи основных лидеров Франкфуртской школы [8, с. 257]. К 1970 г. в рамках школы оформились две линии проблемных исследований: первая двигалась в направлении осмысления того, как социальные машины (СМИ, политические партии, экономические корпорации) формируют /угнетают сознание трудящихся, выступающих и ключевыми получателями масс-продукта; вторая была сосредоточена на частном опыте отчуждения и дезориентации этих трудящихся в эпоху позднего капитализма [18]. Представляется, что мыслители второго поколения Франкфуртской школы, прежде всего Ю. Хабермас, возглавивший школу в 1970-е годы, ориентировались на вторую линию, на саму проблемность субъекта и субъектности в позднекапиталистический период.

Сложно не согласиться с тем, что безусловным лидером второго поколения Франкфуртской школы является Ю. Хабермас. Представители первого поколения сосредоточили свое внимание на кризисах, в том числе политических, культурных и психоаналитических, как своеобразных «импульсах», определяющих движение социальных масс в освобождении от идеологем, проводимых разными социальными машинами [19]. Ю. Хабермас же следует за идеей интересубъектности, свободного межличностного взаимодействия, как импульса и условия в идеологическом освобождении индивидуального сознания и сознания социальных групп.

Помимо Ю. Хабермаса среди мыслителей второго поколения Франкфуртской школы называют А. Шмидта, К.-О. Апеля, А. Веллмера [20–22]. Их крупные исследования становятся доступными для широкой аудитории во второй половине 1970-х годов. Примечательно, что большинство работ названных исследователей не переведены на русский, в то время как работы первого поколения хорошо известны русскоязычному читателю. Вместе с тем в 1970-е годы «ученики» Т. Адорно и М. Хоркхаймера стартовали в своей академической карьере с претенциозным тезисом о том, что первое поколение не справилось с задачей концептуализации нормативных оснований для социальной критики [7, р. 38]. Вместо этого социальные проблемы, обусловленные прежде всего идеологией, прочитывались как нечто самоочевидное, некая метафизическая данность, что как будто «тормозило» поиск рабочей нормативной базы.

Эту нормативную базу Ю. Хабермас нашел в коммуникативном действии. Лидер второго поколения Франкфуртской школы следует установке на построение той «социальной теории, что стремится утвердить свой собственный критический стандарт» [23, с. 471]. В своей теории коммуникативного действия Ю. Хабер-

мас продолжает традицию социальной критики. Его критика реализуется в двух смысловых направлениях: в левистском смысле — в акцентуации на социальных несправедливостях; в кантовском смысле — в поиске оснований для социальной критики как таковой.

По Ю. Хабермасу, целевая установка коммуникации — достижение понимания. Отсюда основания социальной критической теории следует искать непосредственно в коммуникации, точнее в так называемых идеальных предпосылках соответствующего действия. Коммуникация претендует на статус основания социальной критики не случайно. Ю. Хабермас настаивает на том, что любой коммуникативный акт, реализующийся в соответствии с принципами истинности, правомочности, искренности, притязает на достоверность, т. е. выступает некой моральной базой, которая может быть принята за основу демократических ценностей и вообще идеи рациональности [23].

В акцентуации на коммуникативной рациональности оформилась установка Ю. Хабермаса на понимание социальных трансформаций с позиции нормативности. Так, Ю. Хабермас вступает в дискуссию с первым поколением школы по вопросу о том, что является центром критической теории. Первое поколение ставило на это место сознание, Ю. Хабермас — коммуникативный акт. При этом коммуникация разворачивается в контексте взаимодействий не только между людьми, но и между большими социальными группами, вплоть до народов и государств. Так называемая международная (интернациональная) ориентация, принимаемая представителями второго поколения, выступала в системе коммуникативного акта своеобразной «пилюлей», способной предотвратить повторение случившегося в Третьем рейхе. В этом прочитывается необходимость преодоления националистического *Sonderweg* (особого пути Германии, между большевизмом и американизмом), осознаваемая интеллектуалами послевоенной Германии. В заданном контексте Ю. Хабермас предлагает обращение к англо-американской философии. В 1980-е годы он открывает для сотрудников и аспирантов Института социальных исследований американский прагматизм в виде текстов Дж. Дьюи, Ч. С. Пирса и Чикагскую социологическую школу в лице Дж. Г. Мида. По его инициативе молодые исследователи Франкфуртской школы все больше ориентировались на аналитическую теоретическую базу, труды М. Даммета, Д. Дэвидсона, Дж. Б. Ролза, нежели на работы от представителей первого поколения [7, р. 43].

Переход Ю. Хабермаса от классической теоретической базы первых франкфуртцев презентует трансформацию проблемного поля критической теории, проявившейся во втором поколении и осуществившей специализацию в третьем. Вместе с тем движение от критики капитализма на базе фрейдистско-марксистской логики к вопросам о нормативном статусе субъектов актуальных социальных практик ставит под вопрос саму легитимность в существовании третьего, тем более — последующих поколений Франкфуртской школы.

Третье поколение

В числе представителей третьего поколения Франкфуртской школы Дж. Андерсон называет многих: Э. Арато, К. Бейнса, С. Бенхабиб, Д. Бернштейна, Д. Бохмана, С. Бак-Морсс, Дж. Коэна, П. Дьюса, А. Феррару, Ж.-М. Ферри, Н. Фрейзер,

Д. Хелда, Д. Ховарда, Д. Ингрэма, М. Джея, Д. Келлнера, Т. Маккарти, Д. Расмуссена, У. Рега, Дж. Роуз, С. Фогеля, Дж. Варнке, С. К. Уайта, Дж. Уайтбука [7, p. 45]. Большинство из них — ученики Ю. Хабермаса и Г. Маркузе. Примечательно то, что их внимание в большей степени обращено к проблемной рамке, очерченной Г. Гегелем, нежели К. Марксом. Помимо прочего, интересна социальная и политическая среда, в которой происходило становление представителей третьего поколения. Интеллектуальная атмосфера их становления все больше удаляется от настроений, инициированных Второй мировой войной и нацистским режимом. Вместо этого — нарастающая интернациональная интеграция (становление и укрепление Европейского союза) и глобализация, выражением апогея которых, вероятно, является падение Берлинской стены (1989). В условиях тотальной плюральности и тематической диверсификации представители третьего поколения школы столкнулись с утратой субъектом того центрального места, куда он был возведен еще мыслителями эпохи Просвещения, с вызовами разумной, рациональной природе человека, а также со постановкой под вопрос процессуальных концепций справедливости.

Дискурс А. Хоннета является своего рода концентрированным выражением идей третьего поколения Франкфуртской школы. Именно А. Хоннет перенял у Ю. Хабермаса пост директора Института социальных исследований в 2001 г. и руководил им до 2018 г. Несмотря на то что официально А. Хоннет не был учеником Ю. Хабермаса, их профессиональная связь установилась уже в 1980-е годы. Тогда А. Хоннет начал работу над укреплением и развитием критической теории, в том числе в рамках семинарской (научные семинары «Humanwissenschaften»), редакторской (газета «Frankfurter Rundschau», серия книг по критической социальной теории в издательстве «Suhrkamp») и преподавательской (на философском факультете Франкфуртского университета) работы [7; 10].

В начале XXI в., с того момента, как А. Хоннет начал руководить Институтом, расширился спектр его деятельности и одновременно повысился градус его интеллектуального влияния. В частности, в 2007 г. под его руководством исследовательской группой Института был выигран трехлетний грант от «Volkswagen Stiftung» на тему «Структурные трансформации признания в XXI в.» [24]. Грантосоискательская деятельность Института открывает видение широкой перспективы, в частности в финансовом отношении. Как мы указывали выше, первое поколение школы финансировалось государством и внешними государству структурами. Второе поколение школы столкнулось с необходимостью поиска внешних ресурсов с целью финансового выживания [18]. Это выражает некий глобальный тренд по отношению к социальным исследованиям, проявивший себя уже во второй половине 1980-х годов. В частности, суть этого тренда можно выразить в установке на то, что «выживают» только те, кто доказывают актуальность и значимость своих исследований.

Другим направлением деятельности Института под руководством А. Хоннета была издательская деятельность. Так, совместно с «Campus Verlag» была выпущена серия книг на тему «Парадоксы модернизации в капитализме»; в 2004 г. появился журнал «WestEnd». Первый номер журнала украшал заголовок: «Neue Zeitschrift für Sozialforschung» («Новый журнал социальных исследований»), демонстрирующий амбициозные установки третьего поколения [10].

Тематически теоретические разработки третьего поколения Франкфуртской школы можно презентировать тремя интеллектуальными траекториями. Первая центрирована проблематикой признания и построения концепции общества, основанного на борьбе социальных групп за это признание [25]. Вторая в определенной степени реанимирует проблематику Другого как причины и стимула индивидуального действия и социального движения в целом. Третья указывает на анализ глубинных структур субъективного опыта с позиции социальной психологии. В обозначенных траекториях вновь прочитывается контраст между поколениями Франкфуртской школы, на этот раз — между третьим и вторым.

Во многом этот контраст объясняется предпринятой А. Хоннетом ревизией взглядов Ю. Хабермаса. Качество этой ревизии до сих пор остается дискуссионным. Т. Берг и соавторы показывают, что концепция А. Хоннета является частным случаем теории Ю. Хабермаса и представляет собой более низкий уровень абстракции, поскольку агенты признания всегда уже погружены в хабермасианский дискурс [26]. Однако такая позиция не является общепринятой. Например, М. Ивкович отстаивает альтернативную точку зрения, показывая транстекстуальную, пронизывающую ранние и поздние тексты, диалогичность отношения А. Хоннета к Ю. Хабермасу, основой которой является приватизация метатеоретической позиции Ю. Хабермаса, а именно: «одновременно пересмотреть нормативные основы постметафизической критики и сформулировать содержательный диагноз современных форм социального доминирования и патологии» [27, S. 101]. Поэтому есть основания считать, что А. Хоннет продолжает исследования своего предшественника, точнее, проблематизирует фигуру субъекта в контексте актуальных социальных практик, в том числе в акцентуации на интересубъективности, что реализуется на базе так называемых универсальных принципов в отношениях Я — Другой.

А. Хоннет прочитывает социальное сквозь призму конфликта. В работе «The Struggle for Recognition» («Борьба за признание»), изначально вышедшей на немецком языке в 1992 г., А. Хоннет определяет конфликт не как противостояние индивидов (классическая интерпретация, идущая от Т. Гоббса) или структур (идею их противостояния мы наблюдаем в трудах структуралистов и постструктуралистов). В конфликте и борьбе А. Хоннет находит подлинно социальное измерение жизни, строящейся на принципах так называемой социальной нормативности. В этом внимании к интересубъективности выражается значительное отличие позиции А. Хоннета от идей М. Хоркхаймера, Т. Адорно, М. Фуко, которые маргинализируют социальное измерение посредством акцентуации на субъекте и субъектности. По сравнению с идеями Ю. Хабермаса тема интересубъективности также приобретает у них более глубокое звучание.

А. Хоннет развивает идею социальной подлинности, фиксируя общество как открытую систему, формирующуюся в связях, которые устанавливаются между социальными группами и отдельными индивидами в их интересубъективном взаимодействии, в том числе во взаимной борьбе за общественное признание. В контексте общественного признания социальные группы представлены в двух аспектах: движущая сила исторического развития вообще и необходимое условие становления и развития каждого отдельного члена группы. В этом видении исторического развития как сущности для возникновения и борьбы социальных групп коренится

принципиальное расхождение А. Хоннета с позициями М. Вебера и К. Маркса, разработавших своеобразную «инструментальную» общественную теорию.

В построении социальной теории А. Хоннет следует нормативному идеалу *Entzweiung*, включаемому Г. Гегелем в размышления по философии религии как указание на расщепление/раскол некогда единого сознания на Я эмпирическое и трансцендентное [28]. Через *Entzweiung* А. Хоннет демонстрирует неоднородность и амбивалентность социальной природы как таковой, что, в свою очередь, выступает своеобразной движущей силой в социальной динамике.

Движение по стезе *трансцендентного Я* позволяет А. Хоннету как будто «реанимировать» тему бессознательного в социальном дискурсе. При этом А. Хоннет акцентирует внимание на особой творческой силе бессознательного. В конце XX в. Ю. Хабермас совершает своего рода «панихиду» по субъекту, что следует просвещенческому идеалу так называемого освободительного разума [29, с. 17]. Возможно, поэтому А. Хоннет в своей критической социальной теории выделяет особое место для маргинализованных сущностей, в том числе силе бессознательного [30].

В некотором смысле теоретические конструкты третьего поколения школы в большей степени интересубъективны, нежели конструкты предшествовавших им мыслителей из Франкфурта-на-Майне. Это проявляется в частности в большей открытости Другому, ведь концепция признания фокусируется не на самом Я, но на том, что это Я видит, распознает и признает социальный другой. Подобный фокус на Другом позволяет Я быть свободным и творчески активным, реализовывать себя в контексте плюралистического и мультикультурного социума. Отчасти это презентировано А. Хоннетом в обращении к концепции Дж. Г. Мида, разделившего Я на *me* (возможен перевод как «Меня») и *I* (непосредственно «я») [31]. Кажется, что разницы между ними нет вовсе. Однако она существует. В своей природе *I* континуально, оно выступает источником моих действий, что не привязаны к месту и времени. *Me*, в свою очередь, одномоментно, это своеобразный «отпечаток», что оставляет я во взаимодействии с другим; это образ я в сознании другого. Отсюда интересубъективность третьего поколения фиксируется установкой на то, что некая целостность субъекта невозможна без *me*, т. е. без моего контакта с иным Я, другим.

Социальная теория А. Хоннета — это теория социальной борьбы, реализации субъектом социальных практик желаний, потребностей, и прежде всего потребности в социальном признании. А. Хоннет сформулировал три «кирпича» в основании признания Я Другим(-и): это *self-confidence*, *self-respect*, and *self-esteem* (переведем их как «самоуверенность», «самоуважение», «самолюбие» соответственно). Кажется, что корень «сам-» во всех трех случаях указывает на форму социально-практического отношения субъекта к себе. Вместе с тем А. Хоннет проводит размышление о «сам-» субъекта в его связях с другими субъектами. Потому представленные выше практические формы могут создаваться исключительно интересубъективно, при условии взаимного узнавания и дальнейшего признания.

Сама идея социального признания, по А. Хоннету, не встроена в человеческую природу, также она не дается субъекту исторически, как бы переходя из поколения в поколение. Субъект получает признание непосредственно в социальной борьбе. Отсюда А. Хоннет выстраивает своеобразную «грамматику» так называемых моральных усилий, что демонстрируют спектр чувствований: от возмущения и агрессии в случае отказа субъекту в признании до удовлетворения и наслаждения в случае,

соответственно, получения искомого признания [32]. Все это выводит А. Хоннета на размышления о нормативности и легитимности устройства системы общественных отношений. Так, концепция социального признания, по А. Хоннету, выступает некой точкой отсчета в реализации проекта глобального межличностного признания, что подразумевает преодоление всех внешних социальных барьеров (к примеру, юридической изоляции, клеветы, а также практик остракизма, ресентимента) и любых форм насилия, инициированных самими членами социальных групп (в том числе изнасилование и пытки) [33]. В процессе собирания концепции социального признания А. Хоннет предлагает свой идеал справедливого общества, оформляющегося в синтезе либерализма и коммунитаризма; в переплетении двух оснований социальных практик, нормативного и этического. В своих работах он сопоставил свой социальный проект с проектом социализма [34], сфокусировал внимание на критике глобализирующегося капитализма посредством субъективных переживаний социальной фрагментации [35]. А. Хоннет продолжает развивать темы рыночной экономики, позаимствованные им у классиков, Г. Гегеля, К. Маркса и Д. Лукача. Он реализует проект сохранения «романтического» антикапитализма посредством акцентуации на персональном страдании, что спровоцировано капиталистической рыночной системой, и воспитания у социальных субъектов живости в чувствовании негативных последствий функционирования системы рыночных отношений.

В своих поздних работах А. Хоннет развивает темы, поднятые им еще в 1990-е годы. Например, он продолжает идею различения «я — меня» на примере различения «ты — вы» (в оригинале *you* и *we*) в контексте размышлений о границах перспективы наблюдателя [36]. Ориентируясь на систему моральных норм С. Дарволла, выстраиваемую с позиции отношений «я — ты/они» как наблюдатель(-и) «меня», А. Хоннет проводит тезис о том, что система межличностных взаимодействий корректнее описывается ссылкой на «я — мы». В отношении по типу «я — мы» как будто имплицитно встроена идея взаимного видения и последующего признания, что, в свою очередь, прочитывается А. Хоннетом как фундамент в созидании общества по принципам свободы и демократии [37].

А. Хоннет не оставляет рефлексию гражданского общества с вариантами его реализации в новых рыночных системах [38]. Он обращается к концепции Г. Гегеля, согласно которой рыночная экономическая модель является наиболее адекватным форматом включения отдельных субъектов в устойчивые социальные структуры. С необходимостью в этой рефлексии встает вопрос о гарантии индивидуальных свобод субъектов, встроенных в рыночную модель. Отсюда А. Хоннет делает вывод о существовании лакун в практическом применении теории гражданского общества Г. Гегеля. В поисках вариантов преодоления этих лакун он обращается в частности к историко-политическим работам К. Маркса [39]. Марксистская критика капитала выступает для А. Хоннета отправной точкой для построения практико-ориентированной социальной теории.

Четвертое поколение

В 2018 г. должность директора Института социальных исследований занял С. Лессенич (S. Lessenich). Факты академической карьеры демонстрируют его отличие от предшественников: С. Лессенич в большей степени ориентирован на социо-

логическую и политологическую теорию и методологию, нежели на философскую [40]. Тем не менее он активно применяет основы социальной критики в работе с актуальными прецедентами из социальной и политической жизни XXI в. Иллюстрация — встраивание пандемии COVID-2019 в систему доказательств кризиса демократии по законам капиталистического рынка [41].

В сфере научных интересов С. Лессенича присутствует акцент на социальной критике современного европейского государства, выстроенного в соответствии с идеалом всеобщего благосостояния [42]. С фокусом на немецкой национальной модели С. Лессенич выявляет дихотомию заявленного экстернализма и реализуемого интернализма в экономической политике. В конечном счете в своих работах он приходит к выводу о «сомнительности концепции государства всеобщего благосостояния как институционального механизма социальной интеграции» [43, S. 99]. Его связь с предшествующими поколениями школы выражается в заявлении о пересмотре действующих социальных моделей сквозь призмы интеграции и признания, в направлении формирования актуальных интересосубъективных моделей общественного взаимодействия. Эти модели встраиваются в соответствии с нормами морали и права [44]. При этом, с одной стороны, функционирование современного общества трактуется как переход от кризиса к кризису в условиях доминирования электронной, цифровой коммуникации, с другой стороны, переосмысливается старость как социально-демографическая категория, поскольку западные общества относятся к числу непрерывно «стареющих».

Заключение

Сегодня, к концу первой четверти XXI в., мы насчитываем четыре самостоятельных периода в истории критической социальной теории, три поколения Франкфуртской школы. Каждое из поколений представлено конкретной персоной, внесшей свой особый вклад в теоретическое направление школы, ее методологическую базу и финансовую активность. Первое поколение традиционно ассоциируют с творчеством М. Хоркхаймера, который одним из первых использовал концептуальный аппарат К. Маркса и З. Фрейда для осмысления актуальной социальной реальности, пережившей колоссальные трансформации от тоталитарного контроля в политике, экономике и культуре до свободы, провозглашенной в условиях капитализма, а также Г. Маркузе и Э. Фромма. Ю. Хабермас совершил своеобразный лингвистический поворот в творчестве франкфуртцев, обозначив коммуникативный акт теоретическим центром критической теории. А. Хоннет, представитель третьего поколения, тоже известен определенными новациями. В его случае поворот пошел по направлению к субъекту и осознанной необходимости в признании как основы для практически ориентированной социальной теории.

Основоположники Франкфуртской школы М. Хоркхаймер и Т. Адорно использовали марксистскую критику в проявлении противоречий эпохи модерна. В фокусе их внимания были макроконтексты, которые в рамках немецкой истории XX в. оказались легко переложимыми на специфику фашистского режима, включая анализ феноменов антисемитизма и авторитаризма. Начиная с Ю. Хабермаса, чей интерес был по-прежнему связан с поздним модерном, внимание представителей второго поколения школы меняет свой вектор. В условиях интенсивного развития

информационно-коммуникационных технологий и их стремительной абсорбцией обществом происходят значительные изменения в публичной сфере. Новые поколенческие идеи Ю. Хабермаса и А. Хоннета являются ответом школы на эти изменения; их внимание переключается на микропроцессы, которые отображают динамику в статусе социального субъекта. Отсюда мы можем сделать вывод о том, что на материале исторического развития идей Франкфуртской школы прослеживается динамика поколенческих социальных контекстов, которая выражается в тематическом становлении субъектно-ориентированного подхода, органично вписывающегося в реалии цифровой эпохи.

В 2018 г. А. Хоннет передал пост директора Института социальных исследований С. Лессеничу, начала формироваться программа нового поколения школы. На данный момент сложно предугадать, каким будет курс С. Лессенича, однако уже сейчас он ориентирован на новую социальную механику кризисов в условиях нарастающей цифровизации. Очевидным остается то, что через поколения Франкфуртская школа сохранила методологическую основу критического анализа капиталистического общества, начав критику в условиях тоталитаризма и продолжая ее в цифровую эпоху.

Литература

1. Howe, N., Strauss, W. (1991), *Generations: The History of America's Future, 1584 to 2069*, New York: William Morrow & Company.
2. Петрушихина, Е. Б., Солодников, И. В., Солодников, В. В., Седова, О. Л., Загоруйко, А. В., Дорожевец, А. Н. и Смирнова, Т. Ю. (2016), Поколенческий подход в гуманитарных науках, *Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование»*, № 4 (6), с. 139–150.
3. Doctorov, V. and Zborovsky, G. (2021), Generational Approach to Modern Russian Sociology as a Theoretical Problem: All-Russian and Regional Aspects, *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no. 11, pp. 79–90. <https://doi.org/10.31857/S013216250015742-9>
4. Муравьев, А. Н. и Осипов, И. Д. (2019), Диалектический материализм Карла Маркса и философия в современном мире, *Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология*, т. 35, № 1, с. 70–82. <https://doi.org/10.21638/spbu17.2019.106>
5. Шачин, С. В., Кутырев, В. А., Масланов, Е. В., Тарасов, А. А. и Фейгельман, А. М. (2018), Франкфуртская школа в контексте основных тенденций историко-философского процесса в современной Германии, *Цифровой ученый: лаборатория философа*, № 1 (3), с. 27–54. <https://doi.org/10.5840/dspl20181328>
6. Давыдов, Ю. Н. (1977), *Критика социально-философских воззрений Франкфуртской школы*, М.: Наука.
7. Anderson, J. (2011), Situating Axel Honneth in the Frankfurt School Tradition, *Axel Honneth: Critical Essays*, Leiden: Brill Academic Publishers, pp. 31–57.
8. *Социальная философия Франкфуртской школы (Критические очерки)* (1975), ред. колл. Бессонов, Б. Н. и др., М.: Мысль; Прага: Свобода.
9. Jay, M. (1973), *The Dialectical Imagination: A History of the Frankfurt School and the Institute for Social Research 1923–1950*, Boston: Little, Brown & Co.
10. Wiggershaus, R. (1995), *The Frankfurt School: Its History, Theories, and Political Significance*, Cambridge: The MIT Press.
11. Fleck, C. (2022), The Political Economy of the Frankfurt School, *Society*, vol. 60, no. 4, pp. 1–8. <https://doi.org/10.1007/s12115-022-00793-x>
12. Albrecht, C., Behrmann, G. C., Bock, M., Homann, H. and Tenbruck, F. H. (2000), Die intellektuelle Gründung der Bundesrepublik, *Eine Wirkungsgeschichte der Frankfurter Schule*, Frankfurt: Campus, S. 530–566.
13. Михайлов, И. А. (2008), *Макс Хоркхаймер. Становление Франкфуртской школы социальных исследований 1914–1939 гг., ч. 1*, М.: ИФ РАН.

14. Михайлов, И. А. (2010), *Макс Хоркхаймер. Становление Франкфуртской школы социальных исследований 1940–1973 гг.*, ч. 2, М.: ИФ РАН.
15. Horkheimer, M. (1972), *Traditional and Critical Theory in Critical Theory*, New York: Herder and Herder.
16. Tar, Z. (1977), *The Frankfurt School: The Critical Theories of Max Horkheimer and Theodor W. Adorno*, New York: John Wiley and Sons.
17. Адорно, Т. и Хоркхаймер, М. (1997), *Диалектика просвещения. Философские фрагменты*, СПб.
18. Honneth, A. (1987), *Critical Theory, Social Theory Today*, eds Giddens, A. and Turner, J., Cambridge: Polity Press.
19. Марков, Б. В. (2018), Незавершенная революция: политическая философия Франкфуртской школы, *Вестник СПбГУ. Философия и конфликтология*, т. 34 (1), с. 79–90, <https://doi.org/10.21638/11701/spbu17.2018.108>
20. Schmidt, A. (2014), *The Concept of Nature in Marx (Radical Thinkers)*, New York: Verso.
21. Apel, K.-O. (1984), Understanding and Explanation: A Transcendental-Pragmatic Perspective, *Studies in Contemporary German Social Thought*, Cambridge: The MIT Press.
22. Wellmer, A. (1993), The Persistence of Modernity: Essays on Aesthetics, Ethics, and Postmodernism, *Studies in Contemporary German Social Thought*, Cambridge: The MIT Press.
23. Хабермас, Ю. (2022), *Теория коммуникативного действия*, М.: Весь Мир.
24. *Verhandlungsformen normativer Paradoxien*. URL: <http://portal.volkswagenstiftung.de/search/personDetails.do?addrNum=8895&fromProject=79920> (дата обращения: 05.01.2023).
25. Honneth, A. (1995), *The struggle for recognition: the moral grammar of social conflicts*, trans. by Anderson, J., New York, Polity Press.
26. Berg, T., Miklich, T. and Zucca, D. (2004), Von Habermas zu Honneth — aber wohin? (I) and (II), in: *Axel Honneth: Sozialphilosophie zwischen Kritik und Anerkennung*, Munster: Munsteraner Vorlesungen zur Philosophie, S. 45–53.
27. Ivković, M. (2017), The Habermasian Foundations and Aims of Axel Honneth's Theory of Recognition, *Ideias*, vol. 7, no. 2, pp. 99–122. <https://doi.org/10.20396/ideias.v7i2.8649498>
28. Кожев, А. (2003), *Введение в чтение Гегеля*, СПб.: Наука.
29. Хабермас, Ю. (2003), *Философский дискурс о модерне*, М.: Весь Мир.
30. Honneth, A. (2007), *Pathologien der Vernunft. Geschichte und Gegenwart der Kritischen Theorie*, Frankfurt a. M.
31. Honneth, A. (2012), *The I in We: Studies in the Theory of Recognition*, Cambridge: Polity.
32. Кожуховский, П. С. (2016), Тед Флеминг «Признание в работе Акселя Хоннета: Значение теории трансформационного обучения» (Перевод), *Философская мысль*, № 1, с. 96–110. <https://doi.org/10.7256/2409-8728.2016.1.17371>
33. Honneth, A. (2000), *Das Andere der Gerechtigkeit. Aufsätze zur praktischen Philosophie*, Frankfurt a. M.
34. Honneth, A. (2015), *Die Idee des Sozialismus. Versuch einer Aktualisierung*, Berlin: Suhrkamp.
35. Honneth, A. (1994), *Desintegration*, Frankfurt: Fischer.
36. Honneth, A. (2021), “You” or “We”: The limits of the second-person perspective, *European Journal of Philosophy*, vol. 29, no. 3, pp. 581–591. <https://doi.org/10.1111/ejop.12681>
37. Honneth, A. (2019), Recognition, democracy and social liberty: A reply, *Philosophy and Social Criticism*, no. 45 (6), pp. 694–708. <https://doi.org/10.1177/0191453719843439>
38. Honneth, A. (2022), Reality or appearance of ethical life? Hegel's analysis of the market economy, *Ethics in Progress*, vol. 13, no. 1, pp. 10–23. <https://doi.org/10.14746/eip.2022.1.2>
39. Honneth, A. (2018), A moral em o capital: Tentativa de uma correção da crítica marxista da economia, *Civitas*, vol. 18, no. 3, pp. 669–682. <https://doi.org/10.15448/1984-7289.2018.3.32248>
40. Stephan Lessenich, *Institut für Sozialforschung*, URL: <https://www.ifs.uni-frankfurt.de/people-detail/stephan-lessenich.html> (дата обращения: 05.01.2023).
41. Lessenich, S. (2020), Soziologie — Corona — Kritik, *Berliner Journal Fur Soziologie*, Bd. 30, Nr. 2, S. 215–230. <https://doi.org/10.1007/s11609-020-00417-3>
42. Lessenich, S. (2020), Doppelmoral hält besser: Die Politik mit der Solidarität in der Externalisierungsgesellschaft, *Berliner Journal Fur Soziologie*, Bd. 30, Nr. 1, S. 113–130. <https://doi.org/10.1007/s11609-020-00410-w>
43. Lessenich, S. (2012), Das Anerkennungsdefizitsyndrom des Wohlfahrtsstaats, *Osterreichische Zeitschrift Fur Soziologie*, Nr. 37, S. 99–115. <https://doi.org/10.1007/s11614-012-0036-4>

44. Borchert, J. and Lessenich, S. (2016), *Claus Offe and the Critical Theory of the Capitalist State*, New York: Routledge.

Статья поступила в редакцию 11 января 2023 г.;
рекомендована к печати 29 ноября 2023 г.

Контактная информация:

Пеннер Регина Владимировна — канд. филос. наук, доц.; pennerrv@susu.ru

Тихонова Софья Владимировна — д-р филос. наук, доц.; segedasv@yandex.ru

Generations of the Frankfurt School: The Genesis of Critical Theory and Its Modernity*

R. V. Penner¹, S. V. Tikhonova^{1,2}

¹ South Ural State University,
76, pr. Lenina, Chelyabinsk, 454080, Russian Federation

² Saratov State University,
83, ul. Astrakhanskaya, Saratov, 410012, Russian Federation

For citation: Penner R. V., Tikhonova S. V. Generations of the Frankfurt School: The Genesis of Critical Theory and Its Modernity. *Vestnik of Saint Petersburg University. Philosophy and Conflict Studies*, 2024, vol. 40, issue 1, pp. 81–96. <https://doi.org/10.21638/spbu17.2024.107> (In Russian)

The article presents a retrospective of the formation of the Frankfurt School. Such a view of the school has not yet been formed in Russian-language literature. In it (literature), as a rule, attention is focused on individual figures of the school, without representing their place in the logic of generations. In the 1950s, representatives of the first generation of the Frankfurt School (first of all, M. Horkheimer and T. Adorno) in their criticism of the fascist and totalitarian regimes built the foundation of critical theory, which they used later in the social analysis of Capitalist society. M. Horkheimer identified the key setting of the school as the emancipation of workers from the framework of the economic regime, liberation of the consciousness of the working class from the boundaries set by capitalism. In the 1970s, J. Habermas, within the framework of the theory of communicative action, continued the tradition of social criticism in two semantic directions: in the Leftist one — focusing on social injustices, and in the Kantian one — in the search for grounds for social criticism as such. Later, in the 1990s, A. Honneth focused on the so-called negative intersubjectivity, which is expressed in the struggle of social groups for recognition. In this struggle, he found a truly social dimension of life, which is built on the principles of normativity. In 2018, A. Honneth handed over the post of Director of the Institute of Social Research to S. Lessenich. Despite the fact that today it is difficult to predict what the course of S. Lessenich will be, it remains obvious that through the generations the Frankfurt School has retained the methodological basis for the critical analysis of Capitalist society, starting criticism under totalitarianism and continuing it in the digital age.

Keywords: Frankfurt School, generations of the Frankfurt School, critical theory, M. Horkheimer, T. Adorno, J. Habermas, A. Honneth, S. Lessenich, digital age.

References

1. Howe, N., Strauss, W. (1991), *Generations: The History of America's Future, 1584 to 2069*, New York: William Morrow & Company.

* The research was supported by Russian Science Foundation “Conducting fundamental scientific research and exploratory scientific research by individual scientific groups” (regional competition) 22-18-20011 “Digital literacy: interdisciplinary research (regional aspect)”.

2. Petrushikhina, E. B., Solodnikova, I. V., Solodnikov, V. V., Sedova, O. L., Zagorulko, A. V., Dorozhets, A. N. and Smirnova, T. Yu. (2016), Generational approach in the humanities, *Vestnik RGGU. Psychology. Pedagogy. Education*, vol. 4 (6), pp. 139–150. (In Russian)
3. Doctorov, B. and Zborovsky, G. (2021), Generational Approach to Modern Russian Sociology as a Theoretical Problem: All-Russian and Regional Aspects, *Sotsiologicheskie issledovaniya*, no. 11, pp. 79–90. <https://doi.org/10.31857/S013216250015742-9>
4. Muravyov, A. N. and Osipov I. D. (2019), Dialectical materialism of Karl Marx and philosophy in the modern world, *Vestnik of Saint Petersburg University. Philosophy and Conflict Studies*, vol. 35, iss. 1, pp. 70–82. <https://doi.org/10.21638/spbu17.2019.106> (In Russian)
5. Shachin, S. V., Kutyrev, V. A., Maslanov, E. V., Tarasov, A. A. and Feigelman, A. M. (2018), The Frankfurt School in the context of the main trends in the historical and philosophical process in Modern Germany, *The Digital Scholar: Philosopher's Lab*, vol. 1, iss. 3, pp. 27–54. <https://doi.org/10.5840/dspl20181328> (In Russian)
6. Davydov, Yu. N. (1977), *Criticism of the socio-philosophical views of the Frankfurt School*, Moscow: Nauka Publ. (In Russian)
7. Anderson, J. (2011), Situating Axel Honneth in the Frankfurt School Tradition, *Axel Honneth: Critical Essays*, Leiden: Brill Academic Publishers, pp. 31–57.
8. *Social Philosophy: Frankfurt School (Critical Essays)* (1975), ed. by Bessonov, B. N. et al., Moscow: Mysl' Publ.; Prague: Svoboda Publ. (In Russian)
9. Jay, M. (1973), *The Dialectical Imagination: A History of the Frankfurt School and the Institute for Social Research 1923–1950*, Boston: Little, Brown & Co.
10. Wiggershaus, R. (1995), *The Frankfurt School: Its History, Theories, and Political Significance*, Cambridge: The MIT Press.
11. Fleck, C. (2022), The Political Economy of the Frankfurt School, *Society*, vol. 60, no. 4, pp. 1–8. <https://doi.org/10.1007/s12115-022-00793-x>
12. Albrecht, C., Behrmann, G. C., Bock, M., Homann, H. and Tenbruck, F. H. (2000), Die intellektuelle Gründung der Bundesrepublik, *Eine Wirkungsgeschichte der Frankfurter Schule*, Frankfurt: Campus, S. 530–566.
13. Mikhailov, I. A. (2008), *Max Horkheimer. Formation of the Frankfurt School for Social Research 1914–1939, pt. 1*, Moscow: IF RAN Publ. (In Russian)
14. Mikhailov, I. A. (2010), *Max Horkheimer. Formation of the Frankfurt School for Social Research 1940–1973, pt 2*, Moscow: IF RAN Publ. (In Russian)
15. Horkheimer, M. (1972), *Traditional and Critical Theory in Critical Theory*, New York: Herder and Herder.
16. Tar, Z. (1977), *The Frankfurt School: The Critical Theories of Max Horkheimer and Theodor W. Adorno*, New York: John Wiley and Sons.
17. Horkheimer, M. and Adorno, T. (1997), *Dialectic of Enlightenment. Philosophical fragments*, St. Petersburg. (In Russian)
18. Honneth, A. (1987), Critical Theory, *Social Theory Today*, eds Giddens, A. and Turner, J., Cambridge: Polity Press.
19. Markov, B. V. (2018), Unfinished Revolution: the political philosophy of the Frankfurt School, *Vestnik of Saint Petersburg University. Philosophy and Conflict Studies*, vol. 34, iss. 1, pp. 79–90. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu17.2018.108> (In Russian)
20. Schmidt, A. (2014), *The Concept of Nature in Marx (Radical Thinkers)*, New York: Verso.
21. Apel, K.-O. (1984), Understanding and Explanation: A Transcendental-Pragmatic Perspective, *Studies in Contemporary German Social Thought*, Cambridge: The MIT Press.
22. Wellmer, A. (1993), The Persistence of Modernity: Essays on Aesthetics, Ethics, and Postmodernism, *Studies in Contemporary German Social Thought*, Cambridge: The MIT Press.
23. Habermas, J. (2022), *The Theory of Communicative Action*, Moscow: Ves' Mir Publ. (In Russian)
24. *Verhandlungsformen normativer Paradoxien*. Available at: <http://portal.volkswagenstiftung.de/search/personDetails.do?addrNum=8895&fromProject=79920> (accessed: 05.01.2023).
25. Honneth, A. (1995), *The struggle for recognition: the moral grammar of social conflicts*, trans. by Anderson, J., New York, Polity Press.
26. Berg, T., Miklich, T. and Zucca, D. (2004), Von Habermas zu Honneth — aber wohin? (I) and (II), in: *Axel Honneth: Sozialphilosophie zwischen Kritik und Anerkennung*, Munster: Munsteraner Vorlesungen zur Philosophie, S. 45–53.

27. Ivković, M. (2017), The Habermasian Foundations and Aims of Axel Honneth's Theory of Recognition, *Ideias*, vol. 7, no. 2, pp. 99–122. <https://doi.org/10.20396/ideias.v7i2.8649498>
28. Kozhev, A. V. (2003), *Introduction to Reading Hegel*, St. Petersburg: Nauka Publ. (In Russian)
29. Habermas, J. (2003), *The Philosophical Discourse of Modernity*, Moscow: Ves' Mir Publ. (In Russian)
30. Honneth, A. (2007), *Pathologien der Vernunft. Geschichte und Gegenwart der Kritischen Theorie*, Frankfurt a. M.
31. Honneth, A. (2012), *The I in We: Studies in the Theory of Recognition*, Cambridge: Polity.
32. Kozhukhovskiy, P. S. (2016), Ted Fleming "Recognition in the work of Axel Honneth: Implication for Transformative Learning Theory" (Translation), *Philosophical Thought*, no. 1, pp. 96–110. <https://doi.org/10.7256/2409-8728.2016.1.17371> (In Russian)
33. Honneth, A. (2000), *Das Andere der Gerechtigkeit. Aufsätze zur praktischen Philosophie*, Frankfurt a. M.
34. Honneth, A. (2015), *Die Idee des Sozialismus. Versuch einer Aktualisierung*, Berlin: Suhrkamp.
35. Honneth, A. (1994), *Desintegration*, Frankfurt: Fischer.
36. Honneth, A. (2021), "You" or "We": The limits of the second-person perspective, *European Journal of Philosophy*, vol. 29, no. 3, pp. 581–591. <https://doi.org/10.1111/ejop.12681>
37. Honneth, A. (2019), Recognition, democracy and social liberty: A reply, *Philosophy and Social Criticism*, no. 45(6), pp. 694–708. <https://doi.org/10.1177/0191453719843439>
38. Honneth, A. (2022), Reality or appearance of ethical life? Hegel's analysis of the market economy, *Ethics in Progress*, vol. 13, no. 1, pp. 10–23. <https://doi.org/10.14746/eip.2022.1.2>
39. Honneth, A. (2018), A moral em o capital: Tentativa de uma correção da crítica marxista da economia, *Civitas*, vol. 18, no. 3, pp. 669–682. <https://doi.org/10.15448/1984-7289.2018.3.32248>
40. Stephan Lessenich, *Institut für Sozialforschung*, Available at: <https://www.ifs.uni-frankfurt.de/people-detail/stephan-lessenich.html> (accessed: 05.01.2023).
41. Lessenich, S. (2020), Soziologie — Corona — Kritik, *Berliner Journal Fur Soziologie*, Bd. 30, Nr. 2, S. 215–230. <https://doi.org/10.1007/s11609-020-00417-3>
42. Lessenich, S. (2020), Doppelmoral hält besser: Die Politik mit der Solidarität in der Externalisierungsgesellschaft, *Berliner Journal Fur Soziologie*, Bd. 30, Nr. 1, S. 113–130. <https://doi.org/10.1007/s11609-020-00410-w>
43. Lessenich, S. (2012), Das Anerkennungsdefizitsyndrom des Wohlfahrtsstaats, *Osterreichische Zeitschrift Fur Soziologie*, Nr. 37, S. 99–115. <https://doi.org/10.1007/s11614-012-0036-4>
44. Borchert, J. and Lessenich, S. (2016), *Claus Offe and the Critical Theory of the Capitalist State*, New York: Routledge.

Received: January 11, 2023

Accepted: November 29, 2023

Authors' information:

Regina V. Penner — PhD in Philosophy, Associate Professor; pennerrv@susu.ru

Sophia V. Tikhonova — Dr. Sci. in Philosophy, Professor; segedasv@yandex.ru